
ПРЕДИСЛОВИЕ

Стылой лондонской зимой 1890 года директору театра «Лицеум» Брэму Стокеру приснился кошмар. Во сне он очутился в темном мрачном подвале, перед открытым гробом, в котором лежал бледный как смерть старик с открытыми остекленевшими глазами. Внезапно мертвец начал подниматься, обнажив в усмешке зубы, неестественно белые и острые, и Стокер в страхе проснулся. Ругая себя — нечего было читать столько историй о привидениях, — он тщетно пытался заснуть: странный сон не отпускал его ни в этот день, ни в последующие. В городе еще не улеглись страхи, вызванные кровавыми делами Джека-потрошителя, и в буйном ирландском воображении Стокера сон упорно связывался с каким-то загадочным преступлением. В конце концов он по давней привычке уселся за письменный стол, чтобы выплеснуть тревожившие его фантазии на бумагу.

Старик в подвале был вампиром — Стокер знал это твердо. Он читал рассказы об этих бессмертных кровопийцах, в которых верили темные крестьяне Центральной Европы. Но что если их вера была истиной и современный мир, беспечно забывший о вампирах, подвергается страшной опасности? Вампир в викторианской Англии, среди не верящих в него мужчин и охотно поддающихся его губительным чарам женщин — эта тема давала невиданный простор воображению. Сначала Стокер назвал своего героя просто «граф Вампир», поселив его в Штирии — в этой австрийской области происходило действие модной «вампирской» повести Шеридана Ле Фаню «Кармила». Вскоре он перенес замок кроважного графа в Трансильванию, в то время тоже австрийскую — само ее название («залесье») звучало загадочно и мрачно, к тому же в местных поверьях

вампирам уделялось едва ли не главное место. А потом ему попалась книга по истории Румынии, где говорилось о чудовищно жестоком средневековом князе, пролившем реки крови. Его звали Дракула, что по-румынски значило «дьявол». Так герой будущего романа получил имя, ставшее впоследствии знаменитым. Литературная алхимия вновь показала свою таинственную силу: второстепенный романист и забытый исторический персонаж, вступив во взаимодействие, создали легенду, которая потрясла мир.

В романе граф Дракула говорит о себе и своих предках: «Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом — в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть как львы... Кто отважнее нас бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор, позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем, кто, как не один из моих предков — воевода — переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула!.. И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго, вожаками были мы — Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой»*. На протяжении XX века это было всё, что читатели, не считая немногих ученых, могли узнать о реальном Дракуле. Только к концу столетия появились книги, рисующие подлинный портрет валашского князя — и он во многом, если не во всем, оказался непохож на героя романа. Он не был графом, не принадлежал к народности секлеров, не дождался старости — погиб в 45 лет, а воеводой Валахии стал в 25, что отчасти объясняло его горячий нрав. А главное, не был вампиром: до Стокера его обвиняли во всех возможных преступлениях, но только не в питье человеческой крови.

Исторические документы и народная память сохранили и донесли до нас образ настоящего Дракулы, господаря Влада Цепеша — неукротимого властолюбца, твердого государственника, вся жизнь которого прошла в бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Эта борьба, где друзья в любую минуту могли оказаться противниками, а победа тут же оборачивалась поражением, приучила его к жестокости — и если оправдать его нельзя,

---

* Здесь и далее цитаты из романа Брэма Стокера «Дракула» приведены в переводе Т. Н. Красавченко (*Стокер Б. Дракула. М., 2005*). — *Прим. авт.*

то понять, наверное, можно. Труднее понять другое — почему именно Дракула, ничем особенным не выделявшийся среди правителей своего времени, на века стал воплощением злодея, дьявола в человеческом обличье, а потом и чудовища-вампира. Что это — фатальное невезение, «черный пиар» врагов или справедливое наказание для тирана, убившего, по мнению некоторых авторов, до ста тысяч невинных людей?

Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы понять, как на протяжении не то что столетий, а нескольких лет герой может превратиться в злодея, а отважный рыцарь — в мерзкого кровососа. Дракула — самый яркий пример подобной метаморфозы, помогающий отделить подлинную историю от легенд, а заодно и от пропаганды, которая и в наши дни успешно острит колы против мнимых вампиров.

Глава первая
ЖЕСТОКИЙ ВЕК

XV век, когда жил Влад Дракула, был временем перехода от средневековья к новому времени. От замкнутости — к бескрайней широте горизонтов, от нерассуждающей веры — к сомнению, от стремления к неизменности — к культу прогресса. Такие перемены никогда не происходят безболезненно, и кровь в это столетие Возрождения лилась куда обильнее, чем в миновавшие «темные века». И в дальних странах, куда европейцы явились с крестом, мечом и неутолимой жадной золота. И в самой Европе, где короли и феодальные магнаты сражались за власть, попутно подавляя крестьянские восстания и истребляя еретиков. И на рубежах Азии, где молодая Османская (или Оттоманская) империя по очереди сокрушала слабые и разъединенные балканские государства, угрожая сделать то, что когда-то не удалось арабам — водрузить над Европой зеленое знамя ислама.

В течение предыдущего столетия потомки Османа Гази, хана маленького тюркского племени, сумели подчинить многие области Европы и Азии. В 1356 году они впервые переправились через Босфор в Европу, а в 1389-м разбили на Косовом поле сербское войско, что отдало в их руки большую часть Балкан. Продвижение турок за Дунай сдерживала сильная венгерская армия, и они занялись добыванием остатков Византийской империи, которая давно утратила как свое могущество, так и волю к выживанию. В 1453 году пал «второй Рим», Константинополь, что вызвало в христианском мире настоящую панику.

Турки, которых до этого на Западе считали отсталыми дикарями и не принимали всерьез, внезапно представали сплоченной силой, которая обладала лучшей в Европе армией и мощным флотом. Их победы достигались благо-

даря строгой дисциплине и новым формам организации наподобие янычарского корпуса. Янычары, число которых в XV веке доходило до 50 тысяч, комплектовались из христианского населения — сербов, болгар, албанцев. Их отбирали у родителей вначале при набегах, потом — путем принудительного набора в покоренных областях империи. Мальчиков 12—15 лет содержали в закрытых лагерях, помимо воинских навыков прививая им фанатичную преданность султану и исламу. Слово «янычары» происходит от турецкого «йени чери» (новое войско), и оно действительно было новым, свободным от родственных и вассальных связей. Именно благодаря янычарам — нерассуждающим, хорошо отлаженным орудиям войны, — Османская империя одержала большинство своих побед.

После завоевания Константинополя турки взяли под контроль весь Балканский полуостров до Дуная и хозяйничали на Средиземном море, непосредственно угрожая Вене, Неаполю и Риму. На Востоке они захватили один за другим тюркские эмираты Малой Азии, после чего обрушились на Иран и Закавказье. Рушились торговые империи венецианцев и генуэзцев, основанные на торговле с Левантом через Византию. В дерзких письмах европейским правителям турецкий султан требовал от них подчинения. Римский папа и германский император, еще недавно враждовавшие, увидели, что им грозит реальная опасность, и попытались объединить усилия в организации нового крестового похода.

Внезапно в центре международной политики оказалась прозябавшая прежде в безвестности восточная окраина Европы, ставшая теперь барьером на пути победоносных турок. Польша, Венгрия, Сербия — во все эти страны устремились эмиссары папы, убеждавшие их правителей примкнуть к походу против «неверных». Не была исключением и Румыния, разделенная в ту эпоху (и позже, вплоть до XIX века) на три части. Северо-запад ее, называемый на латыни Трансильвания, по-венгерски Эрдей, а по-румынски Ардял, еще в X веке оказался присоединен к только что созданному Венгерскому королевству. Эту область еще называли «страной трех наций»: кроме венгров, здесь обосновались родственные им воинственные секлеры (секеи) и немецкие переселенцы, прозванные «саксами». Немцы были купцами, ремесленниками, строителями процветающих городов, от которых Трансильвания получила еще одно название — Семиградье (по-немецки *Siebenburgen*). Жили здесь и ру-

мыны — крестьяне и пастухи, подчиненные венгерским феодалам и богатым немецким патрициям.

Хребты Карпат и леса на их склонах отделяли Трансильванию от двух других частей будущей Румынии — Валахии и Молдовы. Первая находилась к северу от Дуная, на лесистых холмах, меж которых текли быстрые реки Арджеш, Олт и Жиу. Вторая раскинулась на плодородной равнине между Днестром (Нистру) и Сиретом. Валахия, а иногда и обе области вместе назывались Цара Ромыняска — «земля румын», то есть римлян. То же слово «римлянин» на старогерманском языке (*Walha*) дало название Валахии. Другого мнения был папа Пий II, писавший в своих «Комментариях»: «Когда римляне завоевали страну даков, здесь возникла их колония во главе с неким Флакком, по имени которого страну назвали Флаккия. По прошествии длительного времени, как часто бывает, имя изменилось, и страну стали называть Валахией, а ее жителей валахами. Люди там говорят на романском языке, но настолько измененном, что уроженцу Италии очень трудно их понять»*.

Местное население в самом деле вело происхождение от древних даков, родичей фракийцев, чье царство в 106 году н. э. было завоевано Римом. Вслед за римскими легионами сюда пришли новые завоеватели — гунны, авары, а затем славяне. Старославянский язык долгое время (до XVII столетия) был в румынских землях официальным, на нем написаны летописи и княжеские грамоты. В первые века самостоятельности славяне-болгары были правящей элитой, а румынами называли только крепостных крестьян. Еще в 1470 году жители одной из валашских областей обращались к господарю от имени «бояр, кнезов и румын».

Брэм Стокер в своем романе написал о Трансильвании то, что справедливо для всех румынских областей: «Несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью». Писатель не упомянул венгров, подчинивших себе Румынию в XII веке. Тогда же страна подвергалась набегам печенегов и половцев, а позже на нее обрушились новые кочевники — татаро-монголы, жестоко разорившие ее. Нападения татар на равнинные области продолжались еще целое столетие. На опустевших землях поселились пришельцы с Востока — цыгане; в Румынии их и сегодня больше, чем в любой другой европейской стране.

---

* *Pius II. The Commentaries. V. 3. Northampton (MA), 1957. P. 544.*

В предгорьях Карпат, где укрылось местное романизованное население, возникли мелкие княжества, объединившиеся вскоре в два крупных. Молдовой правил род Мушатов, Валахией — династия Басарабов, основанная неким Токомером. Это был то ли славянин Тихомир, то ли татарин Токтемир — сказать точнее нельзя, поскольку летописи в Валахии стали вестись только в XVI столетии. Его преемники носили славянские титулы «господарь» или «воевода» (по-румынски «водэ»).

Господари Валахии и Молдовы считались князьями, а не полноправными монархами, поскольку вынуждены были признавать вассальную зависимость от более сильных соседних государств — Болгарии, Венгрии, Польши. Да и правили они далеко не полновластно: их избирал и смещал Государственный совет (Сфатул Домнеск), состоящий из церковных иерархов и светской знати — боярства. Ученые спорят о том, кем были бояре: набравшими силу и богатство местными жителями или потомками завоевателей — славян или тюрок (само слово «боярин» имеет болгарское происхождение). Скорее всего, правящий класс был, как и на Руси, интернациональным по своему составу. Уже в начале существования румынских княжеств бояре владели обширными землями и десятками деревень, жители которых несли тяжелые повинности. Главы боярских родов — «большие бояре» или «жупаны» — заседали в совете, были наместниками областей и городов. Но суть их могущества заключалась не в этом. В Румынии, в отличие от стран Западной Европы, не существовало принципа майората — любой сын правящего князя мог занять трон, обеспечив себе поддержку «больших бояр». Пользуясь этим, последние выторговывали для себя все новые уступки.

Неустойчивость княжеской власти приводила к постоянным переворотам; мало кто из валашских и молдавских господарей просидел на троне дольше нескольких лет, а многие ушли из жизни преждевременно и кроваво. Архиепископ Эстергома, хорват Антал Веранчич, в XVI веке писал о валахах: «Охваченные безумием, они убивают едва ли не всех своих правителей, открыто или тайно, и делят между собой их достояние. Великое чудо, если кто-либо из них сможет остаться у власти хотя бы три года или умереть своей смертью. Всего за два года они сменили двух или трех князей... Гордыня до такой степени обуревает их, что даже если бы их убивали всего через день после восхождения на трон, нашлась бы тысяча тех, кто захотел этого. А когда бы

их всех убили, тысяча других бездумно заняла бы их место, чтобы променять долгую и счастливую жизнь на один день пребывания на троне — столь велико властолюбие, охватившее этот варварский народ»*. Ему вторил другой венгерский архиепископ Миклош Олах, сам валах по происхождению: «У них законные и незаконные сыновья князей равно наследуют власть и идут на любые уловки, хитрости и преступления, чтобы ее захватить... Тот из них, кто одержит верх, питает сильнейшие подозрения ко всем прочим, не только приверженцам вражеской партии, но и своим ближайшим родственникам, которые могут претендовать на власть; поэтому он убивает их или держит в заточении, вырывая ноздри и отрубая различные члены»**.

Из-за княжеских междоусобиц дурная слава шла о всех валахах; далматинский гуманист Феликс Петанций называет их «грубым жестоким народом, приверженным пророчествам и суевериям, при первой возможности предающимся грабежам и насилиям». В наши дни румыны не любят употреблять слово «валах», да и в старину часто называли свою родину не Валахией, а Мунтенией («горной страной») — позже так стала именоваться только восточная часть Валахии в отличие от Олтении, лежащей к западу от реки Олт. Дальше на западе находилась равнинная область Банат, тогда венгерская, а сейчас тоже входящая в состав Румынии, а на востоке — Добруджа, болотистый край рыбаков и охотников между Дунаем и Черным морем.

Тогда, как и сейчас, у румынских земель были две главные естественные границы: Карпатские горы и Дунай. Они же и главные кормильцы: на склонах Карпат паслись стада мелкого и крупного скота, в недрах добывали строительный камень, соль, металлы. Дунай и впадающие в него реки в избытке снабжали водой крестьянские поля и сады, а контроль за речным торговым путем давал местным правителям немало выгод. Так было до тех пор, пока на Дунае не утвердились турки — с тех пор связь с Европой осуществлялась только через карпатские перевалы.

Немалую часть Валахии занимали болота и леса, у которых люди с большим трудом отвоевывали землю для пахоты и жилья. До сих пор многие городские районы носят названия прежних лесов: Телеорман («сумасшедший лес»)

---

* Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. Boston, 2017. P. 15—16.

** Цит. по: *Andreescu S. Vlad the Impaler: Dracula*. Bucuresti, 1999. P. 16—17.

в Тырговиште, Ильфов («ольховый лес») в Бухаресте и так далее. Говорили, что из края в край страны можно пройти, не выходя из-под сени деревьев. В лесах водились стада оленей и кабанов, реки и озера были богаты рыбой. Князьям принадлежали все рыбные угодья на Дунае и горные шахты, где добывались соль, золото и медь. При этом три четверти доходов государство получало от налогов — каждый крестьянин платил князю десятину — и таможенных сборов.

Городов в стране было мало, не больше двух десятков. Обычно они возникали вокруг ярмарок, как Тырговиште и Тыргшор — оба этих названия означают «место торга». Немецкие и венгерские купцы охотно покупали местные товары — скот, кожи, шерсть, зерно и мед. Вдобавок через Валахию совершался транзит азиатских товаров, прежде всего пряностей и тканей, в Центральную Европу. Главные торговые пути шли через карпатские перевалы к Дунаю; один вел из трансильванского города Сибиу по долине Олта, другой — из Брашова по долине реки Дымбовицы. Город Тырговиште, расположенный на втором из этих путей, в конце XIV века стал новой столицей Валахии, сменив в этой роли Куртя-де-Арджеш и Кымпулунг. Города были невелики; даже в столице в ту эпоху проживало всего 15—20 тысяч человек (а все население Валахии едва ли превышало полмиллиона). Их жители занимались ремеслом, торговлей, обслуживанием князя и бояр. Каждым городом управлял совет во главе со старостой, который в Валахии назывался «жудец», а в Молдове — «войт». В центре Тырговиште располагались боярские и купеческие усадьбы, утопавшие в зелени садов и окруженные высокими заборами; по окраинам лепились домики бедноты, мастерские гончаров, кожевников, ткачей.

Над одноэтажными домами возвышались православные церкви — не купольные, как на Руси, а шатровые. Христианство пришло в румынские земли из Византии еще в IV веке, когда в причерноморских Томах было основано первое епископство. Веру сюда принесли греки, и многие религиозные термины в румынском имеют греческие или латинские корни: Бог — «Думнезеу» (от *domine deus*), церковь — «бисерика» (от «базилики»), монах — «калугэр». После раскола церкви на западную и восточную румыны сохранили верность православию — и хранят ее до сих пор. После образования Валашского княжества местная церковь стала независимой от Константинополя; ей управлял митропо-

лит Унговлахии, чья резиденция находилась в Куртя-де-Арджеш. Оплотами православия стали монастыри, возникавшие часто при поддержке господарей. В 1378 году воевода Раду I построил монастырь Тисмана для монахов, бежавших от притеснений католиков-венгров. В правление Мирчи Старого были основаны монастыри Козия, Котмяна, Нучет, Вишина, Дялу. При его наследниках появились Бистрица, Комана, Снагов. В Молдове одним из древнейших был монастырь Няц, основанный в конце XIV века. При обителях действовали школы, мастерские ювелиров, резчиков по дереву, иконописцев.

Церковь играла важную роль и в политической жизни румынских княжеств. Епископы и настоятели монастырей заседали в Госсовете. Крупные обители получали от господарей в дар земли и богатства. За это монахи день и ночь клали поклоны, вымаливая власть имущим прощение за многочисленные грехи. Вдобавок в случае войны монастырские сокровища и запасы изымались для нужд обороны; фактически обители играли роль банков, которых в тогдашней Валахии, естественно, не было. В стране имелись и католические монастыри, включая францисканский в самом центре Тырговиште, но влияние их среди населения было невелико; католиков, да и всех иноземцев, румыны чуждались, ревностно держась за отеческую веру и обычаи. Мусульманам вообще запрещалось жить в стране, а человека, принявшего ислам, лишали имущества и изгоняли из семьи. С подозрением относились и к цыганам, которым отводилась роль бесправных рабов.

Большая часть населения Валахии обитала в деревнях, занимаясь земледелием, ремеслом, разведением коров, овец и лошадей. Весь XV век шло закрепощение князьями и боярами свободных прежде крестьян — таких зависимых людей называли по-славянски «земляне» («люди земли») или «суседи». Крестьянский быт был небогат — жили в глинобитных домах, крытых соломой или дранкой, а иногда и в землянках. Часто в доме была всего одна общая комната с открытым очагом и подвешенным над ним котлом, где готовили обед на всю семью. Ели обычно кашу из просяной крупы и овощной суп (чорбу); любимая сегодня румынами кукурузная мамалыга появилась только после открытия Америки. По праздникам готовили голубцы в капустных или виноградных листьях (сармале), мясо на решетке (мич) и слоеные пироги (плэчинте). Праздники отмечали всем миром: посреди деревни ставилась бочка с вином, тут

же играл самодетельный оркестр музыкантов-лэутаров и устраивались танцы — парный брыул или общая хора, то есть хоровод. «Где румыны — там танцы и песни», — писал венгерский композитор Бела Барток. Богатый местный фольклор соединил дакские, римские, славянские верования и традиции. Народная одежда румын тоже была соединением балканской и славянской моды. Мужчины носили белую холщовую рубаху, штаны, овчинную безрукавку и высокую смушковую шапку (кэчула). Женщины — вышитые рубахи, цветные юбки с фартуком и косынки. Обувью были сыромятные опинки; сапоги считались привилегией богачей.

Валашские правители носили ту же одежду, что их подданные, только пороскошнее — их рубахи расшивались золотой нитью и жемчугом, сверху надевали импортные плащи ярких расцветок, подбитые мехом. Позже в моду вошли узкие венгерские кафтаны, тоже расшитые золотом. Бояре надевали круглые шапки с меховой опушкой, а «большие бояре» — высокие «горлатные», такие же, как у их коллег на Руси. Знаками власти были княжеская корона и скипетр, украшенные драгоценными камнями. Иногда короны делали заново для вступившего на трон господаря, но чаще забирали у предшественника — порой вместе с головой...

* * *

После смерти Токомера воеводой Валахии стал его сын Басараб Великий (правил в 1310—1352 годах). От него валашская династия получила свое имя; он же дал название отвоеванной им у татар Бессарабии — восточной части Молдовы между Днестром (Нистру) и Прутом. В честь победы над язычниками на гербе Басараба появились три то ли убегающие, то ли пляшущие черные фигурки; позже их сменил золотой орел, держащий в клюве православный крест. На современном гербе Румынии он соседствует с молдавской головой быка, трансильванскими семью красными башнями и банатским золотым львом, а также с древними символами даков — солнцем и месяцем. Воевода Басараб одержал и другую важную победу: в 1330 году наголову разбил в Арджеше войско венгерского короля Карла Роберта, собиравшегося захватить румынские земли и обратить тамошних «еретиков» в католическую веру. Валахи окружили захватчиков в горном ущелье и засыпали стрелами; сам король уцелел только благодаря тому, что поменялся доспехами с

оруженосцем. После этого Басараб получил не только независимость, но и Олтению, которой прежде владели венгры.

Несмотря на поражение, венгерские монархи не оставили попыток подчинить соседнее государство. Ставший королем в 1342 году Людовик (Лайош) Великий потребовал от Басараба принести ему оммаж — вассальную клятву. Но старый воевода не признавал феодальных норм — он не только отказался от клятвы, но и перестал платить венграм дань. После смерти Басараба его сын Николае Александру занял трон без санкции из Буды, что король счел оскорблением. Еще больше его оскорбили события 1359 года, когда кнез Богдан прогнал назначенного венграми воеводу и основал к востоку от Карпат второе румынское княжество — Молдову. Однако Венгрии было не до соседей: со смертью бездетного Людовика в 1382 году закончилась Анжуйская династия и в стране началась междоусобица. Пять лет спустя королем стал зять покойного, двадцатилетний Сигизмунд Люксембургский, занявший позже трон Священной Римской империи. При нем центральная власть в Венгрии окрепла и снова начала угрожать самостоятельности румынских земель. Валашским князьям пришлось приносить королю оммаж за герцогства Амлаш и Фэгэраш, которые находились в Трансильвании, но были населены валахами.

У сына Николае Александру, воеводы Раду Негру (Черного), было два сына — Мирча и Дан, положившие начало двум враждующим ветвям династии Басарабов. Будучи старшим, Дан I взошел на престол, но просидел на нем всего три года: после его гибели в битве с болгарами господарем стал Мирча, правивший с 1386 по 1418 год и прозванный Старым скорее за мудрость, чем за возраст. Чтобы удержаться у власти, он признал себя вассалом Венгрии, а его соперники из рода Данешти тут же попросили помощи у турок, уже подступивших к Дунаю. Отныне всем правителям Валахии и Молдовы приходилось лавировать между двумя этими силами, одинаково опасными для румын. Турки угрожали обратить их в ислам или задушить поборами, превратив в угнетенное «стадо» (райя), как они называли подданных-христиан. Венгры грозили таким же угнетением плюс обращением в католичество. Вдобавок обе враждующие стороны воевали друг с другом на валашской земле, принося ее жителям немало бед. В старинной балладе говорится: «Валахия разорена и разорвана на части, ее жителей загнали в горы жестокие турки и варвары-венгры. Они убивают старых и обращают в рабство юных, насилуют деву-

шек и уводят юношей в свое войско, они так опустошили страну, что в ней некому пахать и сеять».

В этих условиях господарям румынских земель с большим трудом удавалось отстаивать независимость. Их опорой стали монастыри, игравшие роль не только центров духовности, но и крепостей. Другой опорой было народное ополчение, которое собиралось в случае войны. Если армии других европейских стран состояли из феодальных дружин, защищавших только своего господина, или наемников, сражавшихся за деньги, то в Румынии крестьяне и ремесленники шли на войну добровольно и воевали за свою землю и свои семьи. Поэтому им — необученным и плохо вооруженным, — не раз удавалось побеждать численно превосходящего врага. Но нередко они все же терпели поражение, и тогда страна вновь оказывалась в чужеземном рабстве, еще более тяжком, чем прежде. И иностранцы, и сами жители Цары Румыняски не раз отмечали, что главная причина их бедствий — отсутствие единства, распри претендентов на трон, своеволие корыстных бояр.

Османы из-за Дуная все более алчно вглядывались в плодородные румынские земли. Защищаясь от них, валахские господа вступили в союз с Венгрией, молдавские — с Польшей. Лавируя между враждующими силами, Мирча Старый сумел сохранить самостоятельность страны. Несмотря на формальную зависимость от Венгрии, он в 1390 году заключил союз с польским королем Владиславом Ягелло, а заодно и с Молдовой, господарь которой Петру I был союзником Польши. В ответ Сигизмунд Люксембургский отправил против молдаван войско, но в феврале 1395 года оно было разбито и с позором отступило в Трансильванию. Господарям Молдовы и Валахии, прежде изолированных в своем прикарпатском углу, пришлось с ходу окунуться в водоворот европейской политики. Они узнали, что Польша, защищаясь от венгерской экспансии, сблизилась с Османской империей, а Венгрия, в свою очередь, пытается натравить на поляков могущественного врага — Тевтонский орден.

Не дожидаясь османского нападения, Мирча восстановил союз с венграми и ударил первым — захватил княжество Добруджа между Дунаем и Черным морем, на которое претендовали турки. К тому времени они заняли значительную часть Балкан и разбили на Косовом поле сербского князя Лазаря. Вскоре после этого они завладели Болгарским царством и стали готовить экспедицию в соседнюю Валахию.

Осенью 1394 года сорокатысячная османская армия перешла Дунай. Мирча, которому удалось собрать всего 10 тысяч воинов, отступал, тревожа неприятеля партизанскими атаками и заманивая его в леса и болота. В октябре в одном из таких болот османы во главе с султаном Баязидом I Молниеносным были разбиты и покинули страну, но следующей весной вернулись, чтобы 17 мая потерпеть очередное поражение. Румынская историография превратила два этих скромных по масштабам сражения в победу при Ровине (это слово означает «овраг» или «низина»). От рук валахов погибли в основном славяне, которых турки заставили воевать против единоверцев; среди них был и будущий герой сербского эпоса Марко Кралевич. Сами османы, сохранив силы, заняли почти всю Валахию и посадили на трон брата Мирчи Влада.

Бежавший из столицы Мирча Старый попросил помощи у венгров, которые поспешили защититься от нападения с юга. Пользуясь тем, что турки ушли за Дунай, венгерское войско весной 1396 года заняло Тырговиште и восстановило Мирчу на троне. Незадолго до этого Сигизмунд призвал всех христианских государей к крестовому походу против турок. Послушавшись императора и поддержавшего его папу Бонифация IX, множество рыцарей из разных стран, прежде всего Франции и Германии, направились в венгерскую столицу Буду, где к ним присоединилось войско Сигизмунда. Воины Мирчи также приняли участие в походе, который завершился у крепости Никополь на Дунае. Там крестоносцы 25 сентября 1396 года встретились с османской армией; недружные действия их разноязычных сил привели к полному разгрому. Почти все 10 тысяч «воинов Христа» погибли, турки перебили и всех пленных, кроме 300 знатных рыцарей, за которых надеялись получить выкуп. Сигизмунд и бургундский герцог Жан Бесстрашный едва успели бежать на лодках с горсткой рыцарей. Валахи тоже понесли немалые потери, хотя мудрый Мирча, наблюдая распри крестоносных командиров, заранее увел часть своих сил на родину.

После этого сражения Болгария окончательно попала под власть турок, а Валахию спасло от османского нашествия только то, что в 1402 году султан Баязид был разбит великим завоевателем Тимуром и закончил свои дни в плену, в железной клетке. И все-таки Мирче пришлось отдать туркам построенные им крепости на Дунае, а заодно и всю Добруджу. На пике своей власти он носил гордый титул —

«князь двух Валахий, герцог Фэгэраша и Амлаша, бан Северина, деспот Добруджи, господин Силистрии и всех городов и земель до Адрианополя». Теперь половина этих земель была захвачена турками или венграми.

Несмотря на утрату территорий, Валахия на рубеже XV века находилась на подъеме. Благодаря неустойчивому международному равновесию и мудрой политике Мирчи она на время установила хорошие отношения с соседями как на западе, так и на востоке. Как «мумтаз эялет», самоуправляющаяся провинция Османской империи, страна получила привилегии — например, ее торговцы могли торговать во всех подвластных туркам областях, уплатив небольшой налог «гюмрюк», составлявший два процента от прибыли (в Трансильвании они платили до 10 процентов). По договору Мирчи с султаном ни один турок не мог без разрешения господаря даже посещать Валахию и тем более селиться там. Все валахи, насильственно обращенные в ислам, могли по прибытии на родину вернуться к своей вере.

Конечно, турки не собирались долго терпеть подобное положение: их идеология предполагала исламизацию всех окружающих народов, и Валахию ждала та же участь. Но пока что она была нужна как буферная территория, через которую осуществлялись контакты с Европой. Ключевыми пунктами этих контактов были в то время крепость Килия в устье Дуная, за которую спорили валахи и молдаване, и расположенный к западу от нее, у слиянии двух рукавов реки, торговый порт Брэила. От этих портов и дунайских переправ торговые пути вели к карпатским перевалам, а оттуда в Брашов и Сибиу. Там валашские, турецкие и генуэзские купцы обменивали восточные шелка и пряности на шерсть, бархат и железные изделия с Запада.

* * *

Западная Европа, несмотря на наступление новой эпохи, встречала османское нашествие такой же разьединенной, как двумя веками раньше монгольское. Несколько столетий она переживала борьбу за власть между германским императором и римским папой, но к XV веку обе враждующие силы ослабели, теснимые новыми гегемонами — Францией, Англией, Испанией. Внутри Священной Римской империи, непрочного союза сотен светских и церковных владений, возникли новые центры притяжения — Австрия Габсбургов, Чехия Люксембургов, Бавария

Виттельсбахов. Эти династии попеременно вырывали друг у друга власть в империи, используя ее в интересах своих княжеств. Золотая булла Карла IV Люксембургского сделала императора зависимым от коллегии курфюрстов — семи крупнейших князей империи. В борьбе с могущественными феодалами императоры опирались на церковь, рыцарство и города, но все эти силы враждовали между собой. Городская буржуазия и гуманисты, питомцы Возрождения, выступали против духовного гнета церкви, накопления ею власти и богатств.

Семена будущей Реформации первыми взошли в Чехии (Богемии), где популярный в народе проповедник Ян Гус был сожжен по приказу императора Сигизмунда. Его последователи-гуситы в 1419 году изгнали из Праги имперских наместников и провозгласили новую власть — без короля, священников и монахов. Мирная прежде и после Чехия стала оплотом воинственных фанатиков, которые одну за другой отбивали атаки крестоносцев и сами нападали на соседей, сея смерть и разрушение. Только переход власти к главе умеренных гуситов Иржи из Подебрад, ставшему новым королем, позволил восстановить в Чехии власть императора. После смерти Сигизмунда трон перешел к Габсбургам, которые заботились прежде всего о расширении своих австрийских владений, схватившись сперва с Венгрией, а потом с турками. На севере ударной силой империи стал Тевтонский орден, с переменным успехом пытавшийся захватить и онемечить Польшу и Прибалтику. Разгром тевтонцев при Грюнвальде в 1410 году открыл эпоху польского могущества. В 1469 году Польша и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую — республику с выборным королем, подчинившую обширные территории на востоке Европы.

К западу от Германии быстро укреплялось Французское королевство, которое отобрало у империи Бургундию и претендовало на Италию. В 1303 году король Филипп IV Красивый силой сверг папу Бонифация VIII, преемник которого, француз Климент V, перенес папскую резиденцию в Авиньон. Только в 1378 году папы вернулись в Рим, но тут же начался Великий раскол — на престол святого Петра претендовали двое, трое, а то и четверо пап, поддерживаемых разными странами. Раскол был преодолен только в 1417 году на том же соборе в Констанце, где сожгли Яна Гуса; выбранный всеми партиями новый папа Мартин V вернулся в Рим, но волнения в церкви не утихали еще долго.

Ренессанс к тому времени изменил не только культуру, но и всю жизнь городов Северной Италии. Прежде бывшие республиками, они попали в руки богатых купцов или удачливых кондотьеров, искателей приключений. Новые хозяева жизни покровительствовали художникам и поэтам, но при этом постоянно враждовали между собой, устраняя политических врагов при помощи яда и кинжала. В 1434 году власть во Флоренции захватили купцы из рода Медичи, сделавшие этот небольшой город столицей Возрождения. В центре Италии расширяли свои владения папы, а юг принадлежал Сицилийскому королевству, где правила испанская Арагонская династия. Север делили между собой Флоренция, Милан и десятки других мелких государств, среди которых два были известны не только Европе, но и всему миру. Венецианская и Генуэзская республики с XII века преуспели в заморской торговле. Финансируя крестоносцев, захвативших в 1204 году Константинополь, они получили множество владений в бывшей Византии. Генуэзцы были активнее в Греции и на Черном море (где подчинили себе побережье Крыма), зато венецианцы завладели Критом, Кипром и побережьем Адриатики. Между собой республики смертельно враждовали; когда Венеция вступила в противоборство с турками, Генуя всячески помогала последним и довольно скоро поплатилась за это.

Франция в XV веке почти не участвовала в европейской политике, непрерывно воюя с усилившейся Англией. Столетняя война шла с переменным успехом, но в 1415 году новая победа англичан при Азенкуре поставила Францию на грань гибели. Только отчаянные усилия народной героини Жанны д'Арк позволили королю Карлу VII переломить ситуацию и в итоге изгнать захватчиков. Возросшее за долгие годы войны своеволие феодалов поборол сын Карла Людовик XI, жестокими мерами восстановивший централизованное государство. В Англии маятник качнулся в другую сторону: после твердой власти династии Плантагенетов страна окунулась в хаос войны между Ланкастерами и Йорками, от которого ее только в конце столетия избавила новая династия Тюдоров. На юге между тем восходила звезда Испании, из которой объединившиеся королевства Кастилия и Арагон окончательно изгнали мавров. Сплоченные и фанатичные испанские идалго не только храбро сражались с мусульманами, но и начали покорение Нового Света вместе с португальцами — своими соседями и врагами.

Нужно сказать несколько слов и о том дальнем, мало кому известном уголке Европы, где веком позже возникло Московское царство. Почти весь XV век на Руси был посвящен сплочению государства и освобождению от ига Золотой Орды. Сын Дмитрия Донского Василий I подчинил многие княжества, но с Ордой справиться не смог: эмир Едигей сжег Москву и другие города, заставив Василия возобновить выплату дани. Пользуясь случаем, литовский великий князь Витовт захватил Вязьму и Смоленск; литовцы и союзные им поляки стояли у ворот русской столицы. Следующий князь Василий II схватился за власть со своим дядей Юрием и его сыновьями, их кровавая «замятня» длилась 20 лет. Только в правление сына Василия Ивана III, прозванного Великим, Русь окрепла и возобновила борьбу с Ордой, которая к тому времени распалась на части. В 1480 году великий князь отказался платить ордынцам дань и переиграл их в «войне нервов» на реке Угре. Иван присоединил к Москве Новгород с его огромными владениями, Тверь, Ярославль, его воеводы дошли до Урала. В поисках союзников против Речи Посполитой он в 1483 году женил сына, тоже Ивана, на дочери молдавского господаря Стефана Елене, прозванной на Руси Волошанкой. Русь впервые завязала отношения с румынскими княжествами, которые в то время тоже напряженно искали союзников против турецкой угрозы.

* * *

После гибели Баязида в Османской империи началась борьба за власть, в которой Мирча поддержал одного из сыновей султана — Мусу, захватившего Румелию. Выдав за турецкого принца свою дочь, он послал ему в подмогу воинов и лучших боевых коней. Несмотря на это, Муса был разбит в сражении и задушен; править в Адрианополе, переименованном турками в Эдирне, стал его брат Мехмед I. В 1417 году валашский господарь был вынужден подписать с ним договор, обязавшись выплачивать туркам харадж — ежегодную дань в размере трех тысяч золотых дукатов.

Год спустя старого Мирчу схоронили в монастыре Козия на Олте. Кроме законного наследника Михая, уже давно бывшего соправителем отца, господарь оставил нескольких бастардов — среди них был и Влад, родившийся около 1395 года от венгерки Марии Толмаи. Занявший трон Михай попытался сбросить турецкое иго, но потерпел неудачу и погиб то ли от рук турок, то ли от кинжала убийцы.

27 июля 1420 года король Польши писал Сигизмунду Люксембургскому: «Турки, объятые яростью, бросили все свои силы на Валашскую землю и захватили ее, предавая всё огню и мечу. После бесчисленных и неопикуемых убийств и грабежей они полностью подчинили ее и заставили принести клятву верности, наложив на нее тяжкие подати и штрафы»*. Особенно болезненной для Валахии стала утрата крепости Джурджу, ради постройки которой Мирча в свое время опустошил валашскую казну. От этой твердыни, возвышавшейся над Дунаем, турки могли всего за несколько дней дойти до Тырговиште.

Первое разорение Валахии османами сопровождалось и первым расколом правящей династии. После гибели Михая бояре из страха перед турками посадили на трон Дана II, сына покойного Дана I. Это положило начало долгой вражде потомков Дана, Данешти, с их родичами, получившими позже имя Дракулешти. Почти три века обе ветви династии боролись за трон, причем одна из них всегда опиралась на поддержку венгров, а другая — турок. Эту традицию начал Дан II, пообещавший не только исправно платить османам дань, но и помочь им в завоевании Венгрии. Тем временем младший бастард Мирчи Влад бежал в Трансильванию. Строя планы возвращения на трон, он вступил в союз как с венгерским наместником этой области Яношем Хуньяди, так и с молдавским господарем Александру Добрым, взяв в жены его племянницу — предположительно ее звали Василиса или Василика.

Но самым могущественным покровителем Влада стал император Сигизмунд — как уже говорилось, по совместительству король Венгрии. В 1408 году он основал для борьбы с турками элитный орден Дракона, в который входили всего 24 члена — большей частью короли и князья, в том числе воспетый Шекспиром король Англии Генрих V, король Неаполя Альфонс I и польский король Владислав Ягелло. Эмблемой ордена был золотой дракон, обвивающий хвостом свою шею, что символизировало победу над страстями. На спине дракон нес крест святого Георгия, знак борьбы за веру, с латинским девизом «*O quam misericors est Deus!*» (О, как милостив Бог!). Часто утверждается, что в ордене могли состоять только католики, но это не так — одним из первых его членов был православный сербский деспот Стефан Лазаревич. «Драконисты», как называли ор-

---

* Цит. по: *Cazacu M. Dracula*. P. 11.

денских рыцарей, были тесно связаны не с папским Римом, а с императором Сигизмундом, которому приносили клятву верности. Они постились по четвергам, носили два плаща «драконьего» цвета — красного и зеленого, — а главное, обещали до конца жизни биться с «неверными». Вплоть до смерти Сигизмунда орден Дракона был самой влиятельной политической организацией не только в Германии, но и во всей Восточной Европе, сменив в этой роли Тевтонский орден, незадолго до того разбитый польско-литовской армией при Грюнвальде.

В феврале 1431 года в преддверии очередного крестового похода император решил расширить орден, торжественно приняв в него новых членов, в числе которых был и валашский принц. С тех пор Влад получил прозвище Дракул или Дракон (суффикс «ул» в румынском языке — признак именительного падежа). Дракона в Румынии уважали издавна; еще у древних даков главный бог изображался в виде дракона (или змея) с волчьей головой. Правда, в средние века слово «дракон» под влиянием христианства приобрело еще и другое значение — «дьявол». Поэтому Влад, в отличие от своего сына, никогда не подписывал этим прозвищем документы, но втайне гордился им — как и тем, что его, первого из правителей румынских земель, на равных приняли в круг европейских монархов.

Похоже, Влад и до этого выполнял ответственные задания Сигизмунда, как это было в 1423 году в Константинополе. Греческий историк Михаил Дука пишет: «В те дни в столице появился один из многих незаконных сыновей Мирчи, воеводы валахов. Он был допущен во дворец императора Иоанна, где свел знакомство с молодыми людьми, опытными как в воинских делах, так и в политике. Тогда там было много валахов, которые помогли ему в его деле»*. Делом Влада было сопровождать императора Иоанна VIII Палеолога в Милан на встречу с Сигизмундом. Во время этого путешествия валашский принц всячески пытался сдружиться с императором и убедить его согласиться на унию греческой церкви с Римом — таково было условие помощи византийцам в борьбе против турок, которое выдвигали папа и император. В тот раз согласие так и не было достигнуто; унию заключили позже, в 1439 году, но она уже

---

* Михаил Дука (ок. 1395 — после 1462) служил секретарем у генуэзских правителей Лесбоса. После захвата острова турками бежал в Венецию, где написал «Византийскую историю», описывающую события 1434—1462 годов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru